

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВРЕМЕНА ГОДА	41
Весна	43
Лето	70
Осень	83
Зима	110
ПЕСНИ ЛЮБВИ	121
РАЗНЫЕ ПЕСНИ	129
КОММЕНТАРИИ	177

По дороге странствий волей или неволей кочевали многие поэты. Как вечные странники остались в памяти людей китайский поэт Ду Фу, таджикский поэт Саади. Дорога служила источником вдохновения. В стихах Саади звучат караванные колокольчики*.

Посох в руке, изголовье из травы, узкая тропа через горы — так странствовали японские поэты. Впервые образ поэта-скитальца создал в Японии Сайгё.

Человек необычной судьбы, Сайгё оставил дворец ради горной хижины.

Книга его стихов «Горная хижина» прославлена в японской поэзии. О нем уже вскоре после его смерти стали создавать легенды. Художники в сюитах картин на свитках изображали его странствия. К местам, некогда им воспетым, со-

---

* И. Брагинский. Двенадцать миниатюр. М., «Художественная литература», 1976, с. 213.

вершались паломничества. И даже теперь, спустя восемь веков, Сайгё четко и ясно выступает из глубин Средневековья. Так навечно запечатлен орлиный профиль Данте. И так же, как Данте, Сайгё до сих пор остается загадкой, несмотря на кропотливые изыскания многих исследователей.

Поэзия его кристально ясна и проста, но вмещает в себе сложнейший мир мыслей и чувств. Буддийский монах, он был влюблен в красоту природы до одержимости. Натура страстная, мятущаяся, он стремился к спокойному созерцанию, но исторические бури постоянно мешали этому. Певец печали, сумерек, одиночества — писал стихи о детских играх.

Бежал от людей и тянулся к ним. Воин по происхождению — ненавидел войну. Изобразил мучения буддийского ада, а по существу — бедствия своего времени. Но Сайгё не мог бы написать на воротах ада: «Оставь надежду навсегда». Он верил, что даже на дно геенны может сойти милосердие, несущее свет.

Сайгё — поэт мысли, но, даже достигая больших философских глубин, равнодушно мыслить он не может. Его картины природы, в сущности, — «пейзаж души». Скорбь Сайгё пронзительна, радость постижения красоты обжигает болью. Но даже доведенное до предела напряжение чувств

ПРЕДИСЛОВИЕ

разрешается в стройной гармонии, классически уравновешенной.

* * *

Японская лирика достигла в XII веке высокой степени совершенства. Поэтическая мода того времени требовала изощренного искусства версификации, «техницизма». Стихотворец, подобно атлету, должен был как бы напрягать свои мускулы: сложнее, еще сложнее!

Сайгё противопоставил моде простоту, очень непростую. Стихи его словно выливаются из сердца, естественно, с внутренней свободой, им не нужны украшения, призванные замаскировать подражательность и пустоту.

«Сайгё творил стихи, а другие их сочиняли», — сказал о нем его младший современник, знаток поэзии и сам замечательный поэт Фудзивара-но Садаиэ (1162–1241).

«Он не искал словесных украс, но говорил ясно и точно, вот почему так легко слушать его стихи». Эти слова высокой похвалы принадлежат Дзюн-токуин, поэту, жившему веком позже.

Творчество Сайгё питало собой всю последующую японскую поэзию. Многие талантливейшие поэты считали себя его учениками. А быть учеником Сайгё не значило подражать ему, для этого

Сайгё слишком неповторимо самобытен. Это значило — жить для поэзии.

* * *

Двенадцатый век — «смутное время» Японии, переломное и бедственное. Сайгё «посетил сей мир в его минуты роковые».

В стране шла борьба за власть между старой родовой знатью и военными феодалами. Военные феодалы тоже разделились на два противоборствующих лагеря.

Оплотом аристократии был старый культурный центр страны с блестящей великолепием столицей Хэйан (ныне г. Киото). Главным оплотом военных феодалов — Северо-восток. Грубые и боевитые самураи в глазах утонченных аристократов — «восточные варвары». Но именно на этих «восточных варваров» работали силы истории. Крестьяне, задавленные непосильными поборами, бросали свои наделы и вливались в самурайские дружины.

Стремительно шла к закату прославленная в истории японской культуры хэйанская эпоха (IX–XII вв.). Конец ее отнюдь не мирный, прошлое уходило в судорогах и крови.

В пламени пожаров и междоусобиц гибнут дворцы, наполненные сокровищами искусства,

ПРЕДИСЛОВИЕ

зарастают травой, потому что хозяева скрылись неведомо где. Вместо раззолоченного экипажа ценится конь под седлом: он поможет в бою, бегстве и скитаниях. Высшие сановники, князья церкви, даже императоры узнали тяготы жизни: бесприютность, ссылку, забвение.

Ужасны народные бедствия: огонь и меч, голод, моровые поветрия косили людей. Земля дрожит, море выплескивается на берег, словно все стихии ополчились на человека.

Аристократический род Фудзивара, долгое время правивший Японией, теряет политическое влияние. Еще в XI веке главари этого рода были на вершине славы и могущества. В XII — им осталось оплакивать былое.

На арену вышли два воинственных феодальных рода, Тайра и Минамото, и схватились между собой в яростной борьбе на взаимное уничтожение. Эпизоды этой междоусобицы живут в народном эпосе, на подмостках театров Но и Кабуки, в романах, а в наши дни — во многих кинофильмах.

Сайгё (1118–1190) родился в один год с будущим диктатором Японии Киёмори из рода Тайра. Сайгё, или Сайгё-хоси (хоси — монашеское звание) — прозвище поэта, означает оно «К западу идущий». На западе, согласно учению некоторых

буддийских сект, помещается рай будды Амида (санскр.: Амитабха). Огонь закатного солнца казался отблеском этого рая.

Подлинное имя поэта — Норикиё. Он принадлежал к знатному воинскому роду Сато, который числил своим предком одного из представителей северной ветви Фудзивара. Мать Сайгё происходила из рода Минамото.

Семья поэта сохранила наследственные связи с военными феодалами и в то же время была тесно спаяна со старой придворной служилой аристократией. Такое межеумочное положение было очень характерно для того переходного времени.

Биография Сайгё окружена дымкой легенд, лучше всего он сам рассказал о себе в своей поэзии. Он рос в Хэйане (Киото), когда будущая трагедия этой столицы только еще подспудно назревала. Хэйан для него навсегда «старое селенье», любимый, родной город.

Сайгё с малых лет учили владеть оружием. Он был, как рассказывают, силен и ловок, отличался в игре с ножным мячом, метко стрелял в цель. В то же время изучение китайской классики (истории, философии, поэзии) было обязательным для каждого знатного юноши. Каждый умел сложить при случае пятистишие-танка, это входило

ПРЕДИСЛОВИЕ

в светский обиход и, в общем, не слишком затрудняло: существовал набор стереотипов. На низшем уровне танка превратилась в аксессуар придворного быта, но она продолжала жить как высокая поэзия.

Сайгё рано осознал свое поэтическое призвание как единственно для него возможное. Для творчества нужна духовная свобода, но разорвать феодальные узы вассальной службы не так-то легко. Система феодализма с самого рождения намертво закрепляла человека на уготованном для него месте.

В юности Сайгё принадлежал к «воинам северной стороны», то есть к гвардии, охранявшей императорский дворец, — должность не столько боевая, сколько церемониально-декоративная. Служил он экс-императору Тоба (годы жизни: 1103–1156), человеку нелегкой судьбы.

Феодальные властители Японии предпочитали видеть на троне детей, которые были в их руках послушными марионетками. В возрасте двадцати лет император Тоба был вынужден отречься от престола и принять монашеский чин. Впрочем, иносческому искусству он не предавался и продолжал вести светский образ жизни.

Любовь к японской поэзии (танка) традиционно культивировалась при императорском дворе.

Устраивались поэтические состязания. Каждый император хотел, чтобы в его время появилась особо замечательная антология и, увековечив его имя, способствовала блеску царствования. Некоторые императоры сами были выдающимися поэтами. Просвещенный государь старался привлечь к своему двору талантливых поэтов, тем самым неизбежно превращая их в царедворцев. Вот почему многие поэты стремились творить в отдалении от двора.

Танка — буквально «короткая песня». Как песня, зародилась она в недрах народного мелоса, но когда — на этот вопрос нелегко ответить. Трудно даже назвать столетие. В первых дошедших до нас записях, датированных VIII веком, уже можно выделить очень древние и старинные песни, где слышится звучание хора. Вначале танка — общее достояние народа. Даже когда поэт говорил о своем, он говорил для всех. Единственное и неповторимое шло из общего источника и к нему возвращалось.

Поэтому так богата и многоцветна первая поэтическая антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», VIII в.). В ней собраны не только танка, но и «длинные песни», не ограниченные размером.

Глубина чувства, искренность и простота роднят Сайгё с поэтами «Манъёсю».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выделение литературной танка из песенной стихии совершалось очень медленно. Ее до сих пор читают напевно, следуя определенной мелодии. С танка тесно связан момент импровизации, поэтического наития, она словно сама рождалась на гребне эмоции.

Танка — долгожитель в мире поэзии, по сравнению с ней европейский сонет совсем молод. Ее структура выверена веками: в танка сказано немного, но как раз столько, сколько нужно.

Метрическая система предельно проста. Японская поэзия силлабична. Танка состоит из пяти стихов. В первом и третьем пять слогов, в каждом из остальных по семи: для танка характерен нечет.

И, как следствие этого, постоянно возникает то легкое отклонение от кристально-уравновешенной симметрии, которое так любимо в японском искусстве.

Ни само стихотворение в целом и ни один из составляющих его стихов не могут быть рассечены на две равновеликие половины.

Гармония танка держится на неустойчивом и очень подвижном равновесии. Это один из главных законов ее структуры, и возник он далеко не случайно.

В старинной поэзии, как россыпь драгоценных камней, которые можно было поместить в любую оправу, хранилось великое множество постоянных

эпитетов и устойчивых метафор. Метафора привязывает душевное состояние к знакомому предмету или явлению и тем самым сообщает зримую, осязаемую конкретность и словно останавливает во времени.

Слезы трансформируются в жемчуга или багряные листья («красные слезы»). Тоска разлуки ассоциируется с влажным от слез рукавом. Печаль об уходящей юности персонифицируется в старом дереве вишни...

В маленьком стихотворении каждое слово, каждый образ — на счету, они приобретают особую весомость, значимость. Поэтому очень важна была символика — знакомый всем «язык чувств».

Унаследовав огромное богатство народного творчества, танка перешла в литературную поэзию. Танка стали шлифовать и гранить многоопытные мастера, знакомые с китайской классической поэзией. Стихи великих китайских поэтов эпохи Тан — Бо Цзюй-и, Ду Фу не были просто модной новинкой, но вошли в плоть и кровь японской литературы.

Танка — маленькая модель мира. Стихотворение разомкнуто во времени и пространстве, поэтическая мысль наделена протяженностью. Достигается это разными способами: читатель должен сам договорить, додумать, «дочувствовать».